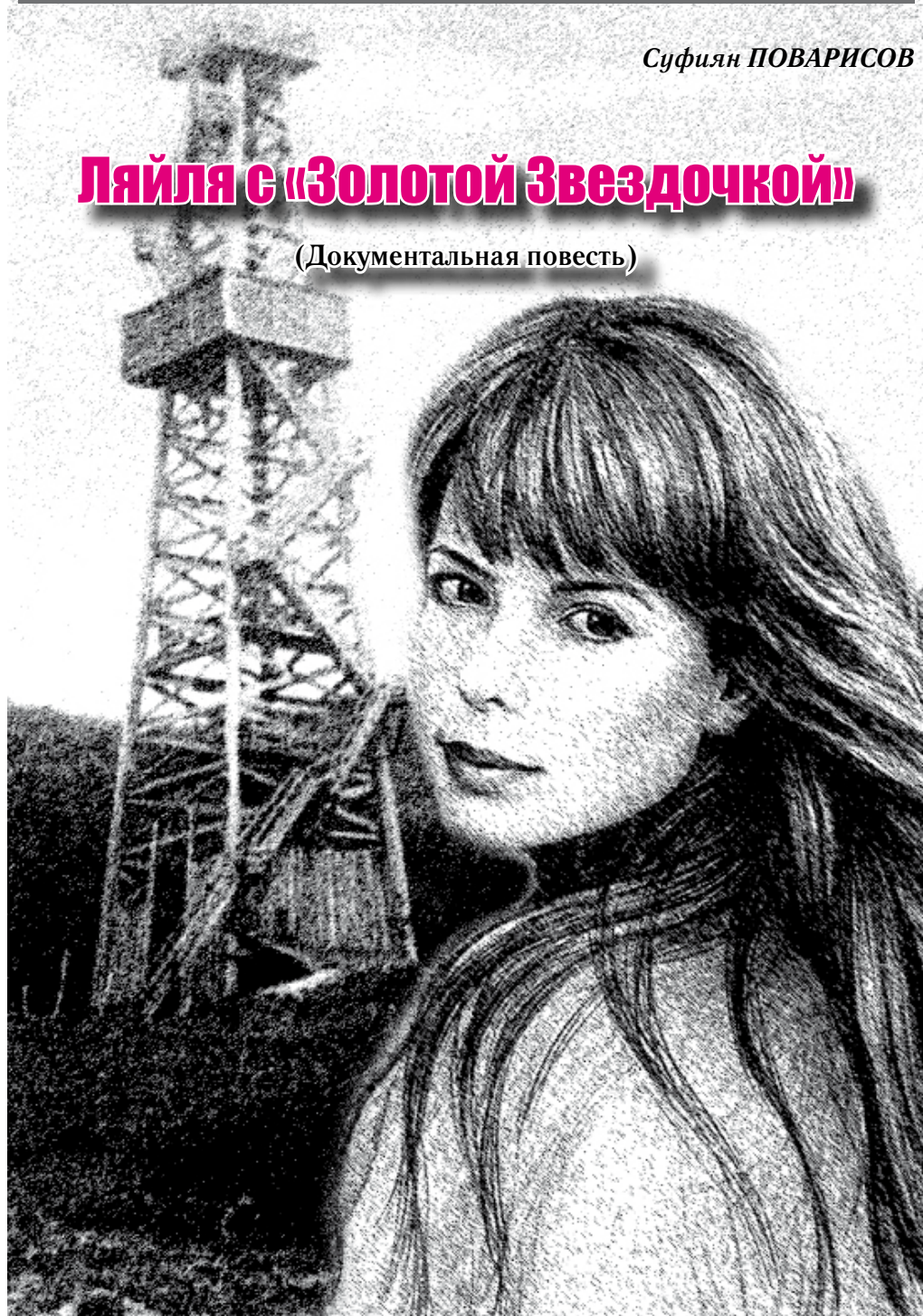

Суфиян ПОВАРИСОВ

Ляйля с «Золотой Звездочкой»

(Документальная повесть)

Летний вечер. В избе горит настольная лампа. Маленькая Ляйля, уложив куклу «спать», шмыгая носом, подошла к отцу, который давно уже сидит за столом, что-то пишет и пишет. Да и читает очень много, ведь он — учитель. А Ляйле хочется поговорить. Отец все еще не обращает на нее внимания, но мешать работающему человеку она не имеет привычки. Пройдет еще немного времени, и, положив книги в сторону, поднимет ее отец.

Получилось именно так. Ханиф-агай, отодвинув тетради и книги в сторону, взял Ляйлю на колени и нежно погладил ее мягкие, пушистые волосы. До чего же умная и красивая малютка!.. Только одна беда — не видит материнской ласки. Мать умерла, когда ей не исполнилось еще года. А мачеха, как ни говори, не своя мама...

В такие минуты Ляйля любит задавать отцу разные, иной раз совершенно непонятные вопросы. И сегодня она не думала сидеть спокойно и тихо. Чувствуя ласку, нежность крепкой руки отца, она посмотрела на керосиновую лампу и спросила:

— Папа!.. Папа!.. Как горит эта лампа?

Вот так совершенно неожиданно она задает разные вопросы и порой ставит отца в неудобное положение. Отчего бывает зима? Почему не всегда лето? Почему так жарко печет солнце? Почему днем светло, ночью темно? С одной стороны, вопросы очень простые. Но раскрыть их сущность, объяснить толком, чтобы она поняла, очень трудно. Когда Ляйля начинает расспрашивать сущность вещей очень долго и упорно, желая проникнуть вглубь, Ханиф-агай даже начинает сердиться, но в то же время появляется гордость за свою умную, сообразительную дочь, которая с маленьких лет хочет так много знать. Почему горит огонь в этой лампе? Как объяснить ей попроще, чтобы поняла? Зажигаешь спичкой, вот и горит — так что ли отвечать? Это она знает. Надо объяснить по-другому.

— Послушай, умница моя! — начал Ханиф-агай, — сначала лампу наполняем керосином, потом...

Ляйля мигом успела задать другой вопрос:

— А что такое керосин?

— Скажешь же... Ну... керосин есть керосин...

— Откуда его берут?

— Откуда, говоришь? — Ханиф-агай опять задумался. То, что покупают керосин в магазине, дочь знает. Она, наверно, хочет знать, из чего он делается, откуда его добывают.

— Керосин делается из нефти, доченька.

— А нефть откуда берут?

— Ее добывают из глубины земли, которая имеет семь слоев.

— Земля разве состоит из семи слоев?

— Да нет, не только семь, много...

— А почему говоришь: «Семь»?

— Первобытные люди сначала умели считать только до семи, она считалась самой большой цифрой. Поэтому, когда хотят показать множество предметов, всегда употребляют число семь, есть даже пословица: «Семь раз отмерь, один раз отрежь»...

Ляйля, разумеется, не все поняла. А Ханиф-агай начатый разговор решил довести до конца.

— Вот так, доченька, нефть добывается из-под семи слоев земли, по-другому ее называют «черное золото».

Ляйля же золото видела. Однажды к ним заходила красавица из города. Когда разговаривала, передние зубы ее блестели, как желтая медь самовара.

— Тетенька, кто поставил на ваши зубы желтую медь самовара? — спросила любопытная Ляйля. Горожанка громко засмеялась:

— Это, миленькая, не медь, а золото.

Ляйля только тогда узнала, что такое золото. А вот папа называет черным золотом нефть, из которой делают керосин. Кому тут верить?

— Разве бывает золото черным?

— Нефть стоит очень дорого, как золото, поэтому называют так.

— Ясно...

Ханиф-агай для того, чтобы дать дочке понятие о нефти, решил рассказать все, что знает об этой науке:

— Из нефти будут шить красивые платья, пальто, чулки капроновые...

Ляйля, разинув рот, уставилась на папу. Керосин жидкий, как вода, наверное, и нефть такая... Как же из нее можно шить платья, пальто? Почувствовав во взгляде дочери вопрос, Ханиф-агай продолжил:

— Ты послушай, доченька... Землю копает буровая машина. Получается колодец, откуда добывают нефть. Потом ее отправляют на нефтеперерабатывающий завод. Пока дойдет до состояния красивого платья, она побывает на многих заводах.

Если признаться, Ханиф-агай и сам толком не знал, как шьют платья из нефти. Поэтому решил долго не рассуждать на эту тему.

— Вот вырастешь, будешь учиться, поймешь все сама.

— А я, папа, буду учиться, буду большим человеком.

— Будешь, будешь, моя хорошая!

— Буду добывать нефть! Из нефти сама сошью красивые платья!

— Сошьешь, доченька, сошьешь!

— И пальто сошью!

Ханиф-агай еще крепче прижал дочку к широкой груди.

* * *

— Это буква «а», вот — «б», «в», «г»... — так по буквам учит папа маму читать и писать.

— Ну-ка, напиши свое имя. Сначала по слогам: «Га-зи-ма...»

Ляйля удивляется. Почему такой взрослый человек не умеет читать и писать? В школе же маленькие дети вон как читают. Она однажды с папой вместе зашла в класс и сама видела.

— Папа!.. Папа!.. Почему наша мама не умеет читать? Почему ты привел такую неграмотную? — спросила однажды любопытная Ляйля.

Ханиф-агай громко засмеялся:

— Эх, доченька, очень уж много хочешь знать. Послушай, раньше люди делились на богатых и бедных. Школа была только для богатых. А твоя мама — дочь бедняка. Теперь же нет богатых, все люди одинаковые. Каждый может учиться.

Он почти каждый вечер дает уроки маме. Ляйля вроде не обращает на них внимания. Но она вслед за матерью начала писать буквы, через некоторое время научилась писать свое имя. Когда исполнилось шесть лет, несмотря на то, что отец не разрешал, пошла учиться.

Вечерами они стали заниматься втроем. До чего же добрый ее папа! Как он успевает быть везде и повсюду? Днем учит детей, дает уроки, ходит по бригадам, по полям колхоза, проводит с людьми беседы на разные интересные темы. Под его руководством строится новая школа. Сколько забот у него!

Ее мама тоже умненькая, способная, добрая. За короткий срок научилась читать и писать. Она красивой внешности, играет на гармонии, мандолине. Такой талантливой мамы в деревне Ябалаково больше ни у кого нет!

* * *

...Удивительно, как быстро летит время! Ляйля уже перешла в третий класс, теперь понимает очень многое. С соседкой Насимой они стали ставить спектакли. Да и в этом примером стали ее папа и мама. Однажды они в доме репетировали пьесу. Папа — шахтер, мама — молодая жена одного богача. Ляйля с большим удивлением и восторгом наблюдала за каждым их жестом и движением. Через некоторое время в клубе появилось объявление о том, что будут ставить спектакль по пьесе драматурга К. Тинчурина «Голубая шаль».

— Папа!.. Папа! Разреши! Я тоже пойду! — взмолилась Ляйля.

— Нет, доченька, — сказал отец, — это только для взрослых, вырастешь — сама будешь играть...

Как можно пропустить такое?! Она тайком зашла в клуб, села в укромном местечке, чтобы не заметили родители. Ляйля сидела тихо, боялась даже дышать. Как красиво поет мать! Как чудесен ее голос! Словно соловьем заливается. «Скорее бы вырасти, я бы тоже играла, пела, удивляя народ!» — думала она. Но не все ей было понятно в спектакле. Почему Майсара, которую играла ее мама, такая красивая, бойкая деревенская девушка, не смогла бороться за свои права, вышла замуж за дряхлого богатого старика по настоянию брата? Почему некоторые люди не могут отстаивать свою честь, выбирают путь в жизни по желанию других и становятся несчастными? Почему?..

* * *

Лето. Июль. Утро.

— Газима!.. Дочка!.. Послушайте!.. Расскажу я вам сон, что видел сегодня на заре! — сказал Ханиф-агай.

Газима-апай готовит завтрак. Ляйля помогает ей.

— Вот так, — продолжает отец, — в деревне Игамете, где мы живем, вся школа как будто в яблонях...

— Ой, опять ты со своими яблонями, школами... — прервала Газима-апай.

— Подожди, милая Газима!.. Расскажу до конца... Корни яблонь якобы пошли далеко-далеко и проросли в огородах колхозников. Проходят дни, годы, и вся деревня покрывается яблонями!..

— Какой хороший сон! — отозвалась Ляйля с восхищением. — Чудесно! На самом деле было бы так, папа! А то у нас в деревне нет ни одной яблони.

— Да это не сон, просто сам выдумывает, фантазер! — засмеялась Газима-апай. — А вот не снится ли тебе картошка?

— Картошка-то? Снится, дорогая Газима, снится. Из одного ведра картошки можно получить шестьдесят ведер. Вот такая она — крестьянская наука!

— Сорок же, папа, а не шестьдесят.

— Ведь это в прошлом году было так, я говорю о будущем. Человек никогда не должен успокаиваться на достижениях сегодняшнего.

В прошлом году Ханиф-агай посадил одно ведро картошки на отдельном участке и ухаживал за ней как настоящий ученый-агроном. Сажал квадратно-гнездовым способом. Вносил удобрение. После переработки земля стала как пух, очень мягкой. Труд не пропал даром. Вся деревня удивлялась такому урожаю: посадив одно ведро, Ханиф-агай получил сорок ведер картошки...

Переехав в деревню Игамет, опять окунулся в школьные, колхозные дела. Под его руководством построили семилетнюю школу. Временами сам работал на стройке, плотничал. Когда затеял дело с яблонями, его стали называть садоводом. После урожая картошки народ назвал его агрономом. Подумать только — русские картошку привезли из Америки. Начали сажать, стали получать хороший урожай. А башкиры думали, что это еда русских, а по закону шариата нельзя употреблять пищу людей другого вероисповедования. Затем поняли, что нужно жить не одним хлебом, организму необходима и растительная пища. Но картошка сначала была очень мелкой, величиной с орех, а про помидоры, огурцы, яблони и думать не думали. Ханиф-агай боролся с этим как мог — везде, где бы он ни находился, показывал пример сам, агитировал других, чтобы жили в достатке. На новом месте он начал работать с большой энергией, пуще прежнего. Участвовал в колхозных собраниях, обходил поля, вечером в клубе читал лекции на злободневные темы. Несмотря на возраст, смело пошел в институт, учится теперь заочно.

Сегодня — выходной день. После утреннего чая Ханиф-агай сказал:

— Ты, мать, будь дома, занимайся домашними делами, а мы с Ляйлей пойдем в сад, поработаем на славу.

...День выдался прекрасный. Поднимается яркое солнце. Что-то шепчут высокие тополя, поют соловьи. Все наслаждаются красотой летнего утра.

Когда вошли в сад, Ханиф-агай с любовью осмотрел свои владения. Ляйля направила взор на отца. Какое у него красивое, умное выражение лица! Нежный, суровый взгляд. Волосы густые, черные, как бархат. Одежда у него всегда

аккуратная, чистая! Ляйля сама тоже была одета сегодня очень красиво: на ней белое платье с короткими рукавами, на голове — бантик. Она — словно белая бабочка, которая вот-вот улетит.

Ляйля посмотрела на яблони, которые из года в год становились выше — сон отца превращается в явь!

— Я ведь, доченька, скоро поеду в институт, начинается летняя сессия, а ты будешь ухаживать за яблонями. Как же ты выросла, тебе через три года — в институт. Нам, наверное, придется учиться вместе. Вот интересно!.. Но все-таки скажи, кем ты хочешь стать.

— Нефтяником!

— Постой, постой!.. Как ты это выдумала? Откуда у тебя такие мысли?..

— Помнишь, папа, в детстве рассказывал, что из нефти можно шить красивые платья, вот я и хочу...

— Вот оно что!

— Учительница по химии рассказывала нам очень интересные вещи про нефть. В будущем её будут добывать не только в Ишимбае, но и у нас, в деревне Игаметово.

— Вот как! Отлично!

— А ты знаешь, папа, в каких местах бывает нефть? На самом деле у нас ее найдут?

— Это дело геологов — искать нефть. Недавно я читал одну книгу, там много чего было написано про нефть. То, что знаю, расскажу. Слушай внимательно!.. Бакинской нефти около шестидесяти миллионов лет...

— Как? Шестидесят миллионов?

— А башкирской нефти — больше ста миллионов...

Ляйля, вытаращив глаза, недоверчивым взглядом посмотрела на отца. Не путает ли он чего?

— А как образовалась она, нефть-то, каким образом, папенька?

— Около четырех миллионов лет назад Уральские горы были намного выше, чем сейчас. Вершины гор были покрыты толстым слоем льда, а на подступах гор бушевали океанские волны.

— В этих местах когда-то был океан?

— Вот именно.

— Интересно!..

— Очень даже интересно, — продолжал Ханиф-агай, — с гор в океан впадали разные реки, которые омывали горные породы, органические вещества и доставляли их на дно океана. Проходили годы, века. Слои известняка, песка, глины все больше накапливались, образовывали толщины. Они закапывали растения и остатки животных. Эти породы оставались в глубине. Там поднимается температура, из этих веществ постепенно образуются нефть и газ. Вот так я понимаю. В книге так написано.

Ханиф-агай увлеченно рассказывал об этой интересной, увлекательной науке. Ляйля слушала его с большим вниманием.

— А где эти океаны теперь, почему они пропали?

— Океан постепенно отступил от Урала далеко-далеко, за несколько тысяч километров. Правильно рассказала вам учительница, геологи скоро приедут и сюда. Мы с тобой, может быть, на самом деле сидим над нефтью, кто знает. А вот как шьют платья из нефти, этого, дорогая моя, пока не скажу, потому что не знаю. В Уфе, может, найду книгу, где пишут об этом, прочитаю и расскажу тебе. Ну ладно... Сегодня ведь выходной, давай немного поработаем.

— Ну-ка я сама, папа, — Ляйля мигом встала, подбежала к лопатке и начала копать.

— Осторожно, не повреди яблони.

— Нет, нет, папенька!..

Ханиф-агай долго не сводил глаз с Ляйли, которая работала с большой сноровкой. Оглядел кусты смородины, малины, вишни. Ох, как они растут быстро!

Когда они собрались идти домой, у ворот показалась Газима-апай. У нее были растрепаны волосы, вид — очень взволнованный. Сердцем почувствовав что-то неладное, Ханиф-агай спросил:

— Газима, дорогая, скажи, что случилось?

Та, еле найдя в себе силы, сквозь слезы выговорила:

— Война!..

* * *

...Ляйля, окончив мыть полы в школе, вышла во двор и, положив правую руку на лоб, посмотрела вдаль. Солнце скрывается за высокой горой. Прекрасный вечер. Тихо. Поют птицы.

Держа в руке ведро, вышла за ней Фархинур-апай. Она подошла к Ляйле:

— Хватит, малютка, тебе работать, иди погуляй, поиграй немного!

— Сейчас, — сказала Ляйля и побежала в класс. Через минуту она вышла обратно, держа в руке книгу. — Послушай, Фархинур-апай, я тебе прочитаю стихотворение Габдуллы Тукая. Называется оно «Дитя, работай!» — Ляйля читала громко и выразительно, будто перед ней — полный зал зрителей:

— Дитя, работай! Для труда нам светит ясный день.

А благодатный отдых нам дает ночная тень.

Настанет утро — ты скорей садись за свой урок,

В одни лишь праздничные дни безделье — не порок.

У солнца ты пример бери. Встает оно с зарей,

И по небу плывет, и нам сияет день-деньской,

И только никнет к вечеру и шлет лучи, дремля,

И в эту дрему вместе с ним погружена земля.

Дитя, когда пример возьмешь у солнечных лучей,

Настанет час — ты заблестишь, как солнце меж людей. —

Вот так! — засмеялась Ляйля, — ясный день светит нам для труда...

— Ты, голубушка, всегда так говоришь, а молодые годы быстро проходят.

Ляйля и сама это хорошо понимает. Но что поделаешь, если время такое? Работает она уборщицей, пионервожатой, библиотекарем. А ей всего-навсего четырнадцать лет. Нынче никому не легко. Уходя на фронт, отец сказал:

— Долго не задержусь, скоро уничтожим фашистов в их берлоге, и возвращусь с победой, а ты, душа моя, учись, живи с мамой мирно, слушайся ее!

Но мачеха, когда Ханиф-агай ушел на фронт, все чаще стала повторять известную башкирскую поговорку: «Если будешь ухаживать за сиротой-теленком, то будут тебе мясо и масло, если за сиротой-ребенком — возьмешь большую беду на свою голову». Не заладилось у них, и Ляйля ушла от нее. Хотели отдать в детский дом, но девочка не согласилась, решила жить на собственные заработанные деньги. Но одна беда — не смогла продолжить учебу. Когда одноклассники пошли в восьмой класс в соседнюю деревню, Ляйля стала мыть полы в школе на пару с Фархинур-апай. «Какие у нее золотые руки, какая добрая душа!» — удивляется женщина. Жалеет она девочку. И сейчас сказала:

— Очень уж тебе не повезло в жизни, несчастливая...

От многих слышала Ляйля эти слова. Несчастливая... А что такое счастье? Об этом она начала задумываться все чаще.

— Вы сами-то счастливы?

— Как тебе сказать? На здоровье не жалуясь, работаю — наверное, это и есть большое счастье для меня.

Ляйля знает ее хорошо. Она — одинокая вдова, муж погиб. Сейчас ей пятьдесят, поседели волосы, на лице — морщины. Всю жизнь мыла полы, чистила грязь, но она не жалуется на судьбу и не считает себя несчастной. А судьба Ляйли сложится совершенно иначе. Закончится война, придет отец, она получит среднее образование, потом пойдет в нефтяной институт. И ей улыбнется счастье, осуществит она свою мечту!

— Счастье — оно везде, доченька, — промолвила Фархинур. — Только надо его увидеть. Кто любит труд, тот обязательно найдет свое счастье, руки у тебя — золотые.

После такого короткого случайного разговора Ляйле стало легче. Она почувствовала себя сильнее и физически, и духовно:

— Спасибо, Фархинур-апай! Я еще больше буду стараться, вот увидите!

* * *

Зайтуна села вечером готовить уроки. У нее отец тоже на фронте, мать работает на ферме. Через некоторое время, держа в руке какие-то книги, зашла к ней Ляйля.

— Что задано на дом сегодня, подружка моя? — спросила Ляйля с порога.

Зайтуна — в белой кофте, в черной юбке. Рыжие волосы заплела в тугую косу. На лице у нее веснушки. Сейчас, осенью, они не так уж заметны, а весной их бывает очень много, отчего девушка становится такой милой и трогательной. Взглянув на книги, которые держала Ляйля, она радостно произнесла:

— Значит, намерена продолжить учебу? — и крепко обняла подружку.

— Да, Зайтуна!

— Как хорошо!

— Я очень хочу учиться. Ведь сама знаешь, какие были мечты. Неужели эта проклятая война должна отнять все мои желания? Нет, не бывать этому.

- Значит, завтра придешь в школу?
- Нет, Зайтуна, мне теперь не суждено сидеть за партой.
- Как же так?
- Дома буду учиться, самостоятельно. Поможешь?
- Помогу, конечно. Я знаю, что ты очень способная.

В последнее время Ляйля не знала, что делать, куда себя деть. Обязательно надо получить среднее образование, а потом видно будет. Наконец, она пришла к твердому решению — будет учиться самостоятельно и сдаст экзамены вместе со своими бывшими одноклассниками.

Зайтуна крепко обняла свою подругу — сильную духом, гордую и стойкую.

— Ляйля, дорогая моя, — сказала она. — Приходи каждый день, будем заниматься! У тебя все получится!

* * *

Зимний вечер. На улице мороз более сорока градусов. Заборы завалены снегом. В избе тоже холодно. Ляйля и Зайтуна готовят уроки. Зайтуна — учительница, Ляйля — ученица. После занятий начали гадать. Взяли спички, сделали из них квадраты и стали тянуть. Если на последней спичке ворота квадрата останутся, то дорога открытая, значит, отцы их вернутся домой. Вот — ворота, стало быть, они живы-здоровы и скоро приедут!

Постучали в дверь. Вошла почтальонка, поздоровалась, потрогала сумку, что висела на шее, и посмотрела на девушек.

- Гульямал-апай, письмо от отца?!
- Да, Зайтуна, держи, — почтальонка вытащила из сумки треугольник.
- А мне разве нет?! — с надеждой спросила Ляйля.
- Тебе нет, милая...

Зайтуна же быстро вскрыла письмо. Отец ее воюет на Ленинградском фронте, жив-здоров. Продолжают борьбу против фашистских варваров.

— Ведь мой папа тоже там же... на Ленинградском фронте. Он, наверное, тоже жив-здоров, правда, Гульямал-апай? — Ляйля почему-то запуталась и замолкла.

— Эх, дочка... — вздохнула женщина и присела на скамейку. — Иди-ка поближе, умница моя, садись со мной рядом! — Она обняла Ляйлю и заплакала.

— Почему плачешь, Гульямал-апай?

— Ты же знаешь, что недавно я тоже получила весть о смерти мужа на фронте...

— А кто еще погиб?

— Да много погибают, милая, почти каждый день. — Почтальонка с трудом подбирала слова. — Ляйля! Твой отец был сильным, крепким человеком, с доброй и открытой душой. Дай Бог тебе терпения, дочка...

Наконец, она достала из сумки маленькую бумажку, где было написано, что отец Ляйли погиб при исполнении сложных, ответственных боевых заданий.

В одночасье мир рухнул — Ляйля без сил опустила на стул и зарыдала.

— К тебе гостью привела, Хамдия-эби, — сказала Фаткия, переступив порог маленького домика. — Познакомьтесь — Бимятова Ляйля, новая учительница.

— Очень приятно! Проходите. Садитесь.

— Мы ищем квартиру для новой учительницы, вот и решили устроить ее у вас.

Бабушка посмотрела то на свои грязные руки, то на заляпанные полы. Какая же учительница согласится жить в таком грязном доме?

Ляйля, как приехала в эту деревню, остановилась в сельском совете, ни председателя сельсовета, ни директора школы не оказалось. Познакомилась с веселой, жизнерадостной уборщицей и попросила ее устроить к одинокой старушке. Фаткия быстро согласилась на просьбу учительницы и привела ее в дом Хамдии-эби, прославившейся своей неопрятностью.

Старушка всплеснула руками:

— Сама же знаешь, Фаткия, что я живу грязно, какая же учительница будет жить у меня? Не шутишь ли?

Ляйля окинула взглядом избу. Бабушка действительно была похожа на чучело — надела старое платье в заплатках, руки грязные. С потолка свисают паутины, стены и окна облепили мухи. Ляйля долго думать не стала:

— Мне нравится здесь, бабушка, будем жить вдвоем, — сказала она.

— Что же, доченька, у нас нет дров, пойду собирать навоз, — промолвила старушка.

— А я схожу за чемоданчиком, который оставила в школе.

Они вышли вместе. Бабушка, закрыв дверь, отдала ключ Ляйле, сама, взяв мешок, пошла в поле. Довольно долго ходила Хамдия-эби. Когда вернулась, диву далась: учительница чистила во дворе самовар. Увидев старушку, та подбежала к ней, сняла с ее плеч мешок и поставила его на землю.

— Спасибо, доченька. Я уже забыла, когда последний раз хлеб ела, не знаю, пригодится ли самовар. Пусть стоит, он не нужен.

— Может, не скоро еще придется чай из него пить, но пусть будет чистый, — сказала Ляйля, ловко взяла блестящий как зеркало самовар и зашла домой. Перешагнув через порог, старушка не поверила своим глазам: дом сверкал чистотой.

— Куда я попала, мой ли этот дом? — сказала бабушка с удивлением. — Ты же учительница, разве можно так?

— Можно, бабушка, все можно.

— Это же черная работа.

— Я не привыкла делить работу на черную и белую.

— Сейчас, доченька, суп сварим, поужинаем, — бабушка вышла во двор. Через некоторое время вернулась, в подоле у нее был навоз, который она вмиг разбросала на чистый пол около печи. Растопила печку, однако кроме пяти-шести штук мелкой картошки у нее ничего не оказалось. У Ляйли в чемодане был килограмм ржаной муки. Общими усилиями они сварили что-то наподобие супа. После ужина Ляйля вымыла посуду, потом достала из чемодана пять метров ситца и сказала:

— Давай, бабушка, сошьем тебе платье, а то твое очень старое.
— Ты что, — бабушка засуетилась. — Ты же учительница, тебе нужнее.
Ляйля сняла мерки и принялась за дело.

* * *

Первое сентября. Зажглась утренняя звезда — Венера. Ляйля встала пораньше, еще раз просмотрела конспекты. Она будет вести уроки в 1 и 3 классах. Карандашей, тетрадей не хватает. У многих на фронте погибли отцы. Как бы там ни было, за короткий срок она сумела завоевать авторитет среди жителей, все полюбили хорошего, примерного, аккуратного педагога. Ляйля и сама чувствовала это, но перед первым уроком волнение не покидало.

Ученики встретили ее стоя. Ляйля приветливо поздоровалась и велела сесть. В третьем классе сегодня — урок арифметики, в первом — родной язык.

Всегда так — на первом уроке новой учительницы ученики сидят спокойно, тихо, боятся шевельнуть пальцем, но внимательно изучают характер педагога. Если, скажем, заметят, что учитель взял курс на воспитание детей криком, то озорные, шутливые ученики всегда будут поддразнивать учителя. Они вроде сидят спокойно, но стоит учителю отвернуться, эти озорники мгновенно выдумывают что-то, поднимают смех в классе. Учитель начинает сердиться, кричать, кулаком стучать — это кажется очень интересным и забавным для шалунов.

Ляйля, как молодая учительница, разумеется, о таких вещах понятия не имела. Ее ученики минут десять-пятнадцать сидели тихо, но потом зашевелились, стали шептаться о чем-то. Особенно беспокойно вел себя один мальчик из третьего класса, сидевший на самой задней парте — крутится как веретено, заглядывает то влево, то вправо, чувствует себя так свободно, как будто находится вовсе не в школе. Сам он рыжий, как подсолнух.

Ляйле не хотелось прерывать урок из-за его шалостей. Но всякому терпению есть конец. Когда рыжий почувствовал слабость молодой учительницы, он совершенно распустился. Ляйля вынуждена была поднять его с места.

— Как тебя зовут?

Рыжий молчит.

— Еще раз спрашиваю, как тебя зовут?

За него ответил рядом сидящий мальчик.

— Шапай.

— А почему он сам не отвечает?

— Стесняется своего имени.

Настоящее его имя — Шафигулла, оказывается. Шафик по-арабски означает «поборник, покровитель». Дело не только в том, что устарело это имя, потеряло свое значение, а в том, что в деревне есть старик Шафигулла, очень легкомысленный, лентяй, глупый. Когда мальчики дразнят маленького Шафигулла, всегда сравнивают его с глупым стариком, или же называют его просто Шапай. Это прозвище ему тоже не нравится.

На перемене Ляйля подробнее расспросила у преподавателей о поведении и учебе мальчика, те сказали, что Шапай большой хулиган, нарушает дисциплину

и в классе, и на улице, а уроки он не готовит вообще. Из класса в класс переводят его не по знаниям, а просто так, чтобы не сидел в одном классе повторно, не мешал учиться другим детям, скорее окончил начальную школу да ушел куда глаза глядят. Отец мальчика погиб на фронте. Мать, оставив его у бабушки, вышла замуж и уехала куда-то.

На втором уроке сначала как будто сидели тихо, смиренно, но когда Ляйля начала писать на доске, в классе началась суматоха. Один мальчик, который сидел перед Шапаем, громко заплакал. Когда учительница повернулась и посмотрела на класс испытывающим взглядом, Шапай, желая показать себя дисциплинированным, сидел тихо, без движения, даже поднял руку, чтобы пожаловаться:

— Апаи*, это Наиль ударил по голове Хамита, — он показал пальцем на плачущего и сам ударил кулаком Наиля, а тот дал сдачу. Учительница вышла из терпения:

— Что вы делаете? Разве можно так драться в классе? Почему ты ударил его, Шафигулла?

— А почему он, молокосос, трогает Хамита? Пусть не трогает. Вот так.

Ляйля, еле-еле успокоив их, продолжила урок, сама очень расстроилась из-за первой неудачи в труде. Да что с ними сделаешь? Кричать нельзя. Бить по столу кулаком тоже неприлично. Но ясно одно: виновен тут Шафигулла, источником всех ссор является он. В то же время хитрый и ловкий, ведет себя как настоящий артист.

Ляйля сказала ему:

— Останешься, Шафигулла, после уроков.

Но мальчик уже привык к этому. Как только не пытаются воздействовать на него! Кричат, кулаком стучат, иногда за уши тянут, но все ему нипочем.

Но Ляйля не стала ни кричать, ни ругать. Разговаривала с ним, как с взрослым человеком. Хотя она немного знала про него, хотела узнать подробнее. Шафигулла отвечал неохотно, лениво.

— Ну ладно, — сказала учительница потом, — иди домой, я оставила тебя просто так, чтобы познакомиться поближе.

* * *

— Ну, как день прошел, доченька, понравился тебе учительский труд?

— Не знаю, бабушка, кажется, на первом же уроке я дала слаbinу. Не понравилась, наверное, ученикам.

— Трудно воспитывать даже одного ребенка, а там их целых сорок!

— Знаешь ли ты Шафигуллу, бабушка?

— Кто его не знает-то?

— Какой он мальчик?

— Настоящий хулиган. Во взрослых даже кидает камни. Если учитель придет к нему домой, то он натравливает собаку.

Ляйля засмеялась.

— Как?

---

* Апаи — так раньше обращались к учительнице.

— Да, люди так говорят...

Вечером Ляйля решила навестить мальчика. Он почему-то новую учительницу не встретил с собакой. Едва учительница открыла ворота, Шапай, заметив ее, хотел убежать, но Ляйля остановила его и подозвала к себе.

— Иди-ка сюда, Шафигулла. Может, в дом пригласишь?

Они вошли в дом. Бабушка Шапая Шамсинур-эби встретила их не очень-то приветливо. Ей уже где-то лет за семьдесят. Она сразу же определила цель ее прихода: видимо, уже в первый день учебы этот озорник натворил что-то, вот и пришла учительница жаловаться. Свою догадку она скрывать не стала:

— Ну что, доченька, Шафигулла, наверное, уже успел огорчить вас своим дурным поведением? Разбойник... Ты только погляди, как он стоит-то, будто змея, которая готова укусить... Чем воспитывать сироту...

— Ой, бабушка, не надо говорить так, — прервала Ляйля, ведь много раз слышала подобное она из уст мачехи. Зачем такими неуместными словами ранить душу ребенка? Ляйля поспешила успокоить бабушку: — Я не пришла жаловаться на Шафигуллу, а зашла просто так, посидеть, поговорить. Знаете, Шафигулла ведь отнюдь не плохой мальчик...

Бабушка оживилась. Она привыкла слышать от людей про своего внука только плохое, а эта говорит совершенно иное. Удивился и Шафигулла. Ведь он весь день не давал возможность ей толком вести уроки. Лучше бы поругала и пошла быстрее домой, чего она тянет?

Но учительница не думала уходить. Они с бабушкой увлеченно разговаривали на разные жизненные темы, как будто давние знакомые. Бабушка стала читать ей книжку «Юсуф и Зулейха», написанную на арабском языке. Шафигулла стоял возле печки. Почувствовав себя лишним, ему захотелось быстрее удрать. Учительница как будто читала его мысли:

— Иди, Шафигулла, поиграй на улице, только далеко не уходи, когда позвем — зайдешь.

Бабушка все жаловалась на шалости внука, сказала, что у нее нет терпения и сил воспитывать его.

— Я понимаю, бабушка, вам нелегко с ним, — сказала учительница, — но мы должны помочь ему исправиться, стать настоящим человеком. Ругать его на каждом шагу, унижать достоинство не надо, я буду ходить к вам чаще.

Позвали рыжего в дом. Он все еще был сердитый. Посадив рядом, вместе стали готовить уроки. Мальчик читать умеет, но сильно хромает по арифметике.

— Вот что, Шафигулла, — сказала учительница на прощание, — придется нам с тобой повторить весь материал второго класса, иначе нельзя.

* * *

Учебный год пролетел быстро. Скоро — летние каникулы. Ляйля пришла домой в прекрасном расположении духа.

— Сегодня праздник, Хамдия-эби, — сказала она еще утром, когда собиралась в школу.

— Какой?

— Ведь окончили учебный год!

— Я тоже очень рада, доченька, за твои успехи, ведь не зря говорят: человек славится трудом. А как ты переживала за Шафигуллу, всю зиму отдельно уроки давала.

Да, подтянуть мальчика не так-то было легко. Почти каждый день оставляла Ляйля его после занятий, применяла все педагогические методы, чтобы вызвать интерес к учебе. Тот иной раз сопротивлялся, хотел бросить все и убежать из школы, иногда притворялся совершенно глупым, ничего незнающим, но Ляйля не была из тех, кто отступает от своих целей и боится трудностей. Порой она рассказывала о том, что у нее не было возможности в 8—10 классах учиться в школе — работала, а вечерами занималась самостоятельно. Настоящий человек должен смотреть трудностям в лицо, настойчиво двигаться к цели. Учись, Шафигулла... Твое счастье впереди... Мать тебя бросила, отец погиб на фронте. Бабушка старая. Ты сам должен проложить себе дорогу. Шафигулла наконец понял — лучше подчиниться этой маленькой и хрупкой учительнице, завоевавшей авторитет не только словами, но и делом. Зря оказывается, подшучивал он в первые дни над ее низким ростом — она, как веретено, крутилась без усталости и успевала везде. Ее назначили заведующей клубом, и библиотеку в свои руки взяла. Деревенская молодежь выбрала ее секретарем комсомольской организации. В свободное время в клубе читает сельчанам газеты, журналы на разные интересные темы, рассказывает о тех, кто на заводах и фабриках работает за пятерых-шестерых. Впрочем, подобный пример преподает сама — она и учительница, и заведующая клубом, и библиотекарь, и комсорг, и почтальон. Весь народ удивляется силе воли такой юной девушки. Попробуй не подчинись человеку, ставшему за короткий срок гордостью всей деревни. Шафигулла сам не раз думал об этом — как же она успевает? И педагог хороший — голос не повышает, кулаком не стучит, но все ее слушаются.

...В последний день учебы Ляйля долго задерживать учеников не стала. Каждому по отдельности сказала оценки, обрадовала тем, что все ученики перейдут в следующий класс. Затем все вышли на улицу. Счастливый май! Пришла долгожданная весть о победе, на лицах — счастливые улыбки.

Ляйля медленно шла домой. Учебный год прошел шумно, беспокойно, но она была очень рада за свои успехи. Да и погода какая чудесная! Ей казалось, что в эту минуту во всей Вселенной царствует только счастье, во всем мире светит яркое солнце, люди смеются от радости. Ей почему-то не хотелось оставить улицу, наполненную лучами майского солнца, и войти в дом. Стояла долго-долго. Когда, наконец, хотела идти домой, она заметила Шафигуллу, который медленно и не торопясь шел по другой стороне улицы. Сердце Ляйли защемило. Да, война закончилась. Но раны будут напоминать о себе долго. У некоторых возвратятся домой отцы, родные, а родной человек Ляйли остался под Ленинградом навсегда. Она никогда не увидит его счастливую, веселую улыбку, добрые глаза, излучающие теплоту и нежность. Благодаря своей настойчивости, терпению она сумела встать на ноги, стала самостоятельным человеком, способным жить, творить. А Шафигулла? Сможет ли он побороть невзгоды?

— Шафигулла! — окликнула его Ляйля.

Мальчик, услышав знакомый голос учительницы, быстро повернулся в ее сторону и побежал к ней.

— Зайдем, Шафигулла, к нам. Да ты не бойся, не уроки готовить.

Хамдия-эби встретила их приветливо. На столе — самовар. Бабушка вытаскила из печи сковородку с блинами.

— Молодец, хорошо окончил учебный год, — сказала мальчику учительница, — и мой первый трудовой год приблизился к концу. Сегодня — праздник, садись за стол, будем пить чай!

* * *

— Ты только посмотри, Фаткия-апай! Какая луна! Синее небо, звезды, запах сирени... Воздух пропитан ароматом цветов, сочных трав широких полей...

— Умеешь ты в каждом явлении видеть прекрасное! Что с тобой случилось?

— Не знаю, не знаю!

Они только что вышли из клуба. Был спектакль. Деревенская молодежь поставила трехактную драму «Галиябану». В роли Галиябану играла Ляйля.

— Тебе бы артисткой родиться! — восхищалась Фаткия. Так хорошо играешь, убедительно! Талант у тебя.

Где-то заиграла гармонь. Слышен громкий смех девушек. Потом все утихло. Сегодня Ляйля почему-то не торопится домой, все любуется красотой ночной природы. Какую-то печаль уловила в ее глазах Фаткия.

— Ляйля! Ну, скажи, что с тобой случилось, что таишь в душе?

— Я уезжаю, Фаткия-апай. Не хочется деревню покидать, я так привыкла здесь.

— Куда? В другую деревню, что ли?

— Нет, подальше.

— Почему?

— Я прощаюсь с учительской работой.

— Совсем?

— Да, совсем.

— Не верю своим ушам. Почему бросаешь такую благородную работу, неужели не нравится?

— Нравится.

— Дети души в тебе не чают, и сельчане уважают. Ты не можешь взять и бросить все!

— Мне нравится совсем другое, но туда раньше восемнадцати лет не принимают. Вот мне исполнилось восемнадцать. Теперь примут обязательно.

— Что это за работа?

— Хочу добывать нефть.

— Ты просто с ума сошла!

Ляйле пришлось рассказать о своей мечте детства.

— Да ты, Ляйля, подумай глубже, — переживала Фаткия за ее судьбу, —

там, говорят, очень трудно. Ты ведь такая маленькая, сама ребенок еще, а туда требуются сильные, крепкие мужчины.

— Мое сердце стремится туда, я уже решила.

...В день отъезда двор Хамдии-эби наполнился народом. Все пришли провожать полюбившуюся учительницу, был и Шафигулла. Ляйля похлопала его по плечу и сказала:

— Ну, Шафигулла, не бросай учебу, будь настоящим мужчиной. У тебя все получится!

— Апай, когда вырасту, я тоже стану нефтяником, — воскликнул тот.

Люди засмеялись.

— Не смейтесь, товарищи, — сказала Ляйля. — Шафигулла упорный, настойчивый. Я уверена, он станет хорошим человеком и достигнет своей цели.

Впереди ее ждала тяжелая профессия, требующая большого мужества, смелости, стойкости.

* * *

Ляйля была в хорошем настроении. Когда они ехали на машине в город нефтяников — Октябрьский, увидев по дороге высокие нефтяные вышки и горящие факелы, которые волнами колыхались от ветра, словно победное знамя, Ляйля сильно заволновалась. Не было предела ее радости. Воздух, разумеется, не такой уж чистый, как в деревне, пахнет нефтью. Первый раз в своей жизни она дышит таким воздухом — чужим и незнакомым. Наконец, осуществится ее детская мечта!

На другой день она пошла к руководителю пятого нефтепромыслового управления. Директор — человек среднего роста, с приветливым лицом, густыми, черными бровями. Он встретил Ляйлю тепло и по-свойски:

— Проходи, проходи, не стесняйся. Слушаю, красавица.

Ляйля не знала, с чего начать, но потом осмелилась и рассказала о своих намерениях. Директор вмиг стал задумчивым, серьезным, даже суровым. Да, на промысел иногда приезжают нежные белоручки с великими патриотическими чувствами. Принимаешь их на работу, чтобы не погубить их горячее желание к этой сложной профессии, но уже через месяц бегут прочь от трудностей этой тяжелой работы.

Подытоживая свои мысли, директор сказал наотрез:

— Здесь, миленькая, нет для вас подходящей работы.

Ляйля настаивала на своем:

— Есть! Я хочу добывать нефть.

Лицо директора стало еще более суровым:

— Добыча нефти — крайне тяжелый труд.

— Знаю, но вы должны учитывать желание людей.

— Мало тут одного желания, доченька, здесь нужны сильные мужские руки, куда тебе... Подрасти немного, а потом посмотрим.

Директору позвонили, куда-то вызвали. Он, положив трубку, торопливо вышел.

— Султан Гильмутдинович, — сказала Ляйля, — примите же меня!
— Нет, доченька, — повторил он. — Поищи другую работу. Пойдем.

* * *

Ляйля чуть не заплакала, когда вышла из конторы. День был пасмурный. Какие-то черные роковые тучи плавали над городом, почти задевая крыши домов.

Она медленно шла по улице, не зная, куда пойти и где остановиться. Совершенно неожиданно девушка столкнулась с высоким человеком, который куда-то торопился. Ляйля подняла голову и вздрогнула — ведь это он! Он, ее отец! Зачем даже не поздоровался? Она никак не могла опомниться. Значит, ее отец жив?! Как же он сюда попал? Почему не узнал свою дочь? Раздумывать было некогда. Ляйля побежала за ним и догнала на повороте.

— Папа! Папочка! — Ляйля, не думая ни о чем, бросилась ему на шею и замерла в объятиях отца.

Наконец она подняла голову и... Это был не ее отец, хотя очень похож на него как две капли воды. Ляйле стало неудобно, что побеспокоила такого пожилого человека. Но незнакомец мягко, отцовским тоном произнес:

— Ошиблась, доченька.

Они шли медленно, разговаривая.

— Где же твой отец, бросил что ли?

— Нет, что вы. Он был очень хорошим человеком.

— А где же он?

— Погиб под Ленинградом. А вы так похожи на моего отца.

— Меня зовут Нурислам, — сказал пожилой мужчина, когда дошли до дома.

— Зайдем, будешь желанным гостем.

В маленькой комнате играли трое маленьких ребят: два мальчика и одна девочка. Жена Нурислама-агай на работе. Хозяин поставил чай, а когда сели за стол, задал вопрос:

— Как ты оказалась здесь, доченька, зачем приехала из дальнего Илишевского района?

Ляйля не стала ничего скрывать и рассказала все как есть. Нурислам-агай, поставив чашку на стол, с удивлением посмотрел на нее и сказал, что он недавно сам ушел из промысла, уж очень тяжелая работа.

— Даже не думай, доченька. Говоришь, что учительницей работала, имеешь среднее образование, я тебя устрою куда угодно, но только не на промысел. Добывать нефть — это дело сильных мужчин.

* * *

Многие пытались разубедить девушку. Советовала не ходить на промысел и Аниса-апай, у которой она остановилась. Но Ляйля не из тех, кто бросает на полпути начатое. Ведь красота, сущность жизни заключается именно в том, что нужно уметь побеждать трудности. Зачем искать легкую работу, если она не по душе? Если поставил цель перед собой, то смело иди вперед. Пусть будут сотни препятствий, преград на твоей дороге, шагай вперед, умей преодолевать. Так

рассуждает Ляйля. Зачем ее не понимают? При чем тут ее рост? Говорят, что выглядит как ребенок. Но ведь в человеке главное — внутренняя сила, духовная красота.

Такие мысли придали ей смелости и она вновь постучала в двери директора управления. Войдя в кабинет, смело, твердыми шагами подошла к столу и, как бравый солдат, четко изложила свои мысли и уверенно сказала:

— Я не боюсь трудностей, вот увидите.

— Сколько вам лет все же? — спросил директор с удивлением.

— Восемнадцать.

— Возраст позволяет, но очень уж маленькая ростом... Говорите, что работали учительницей, советую вернуться к этой профессии.

Ляйля перешла на другой тон и стала говорить серьезно, даже сурово:

— Из Илишевского района, бросив учительскую работу, я приехала сюда не для того, чтобы слушать пустые нотации. Прекратите, пожалуйста, мораль читать, я не маленькая, вы не должны отказывать, не имеете права на это, принимайте меня на работу!

Наконец директор согласился.

— Очень смелая, гляжу. Мое условие — чтобы не показывалась мне со слезами на глазах.

— Не бойтесь, не быть этому.

Директор засмеялся:

— Вот герой!

От радости Ляйля крепко пожала руку директора и, поблагодарив, вышла из кабинета.

На следующий день Ляйля отправилась на промысел и нашла будку нефтяников, которая снаружи напоминала маленькую деревенскую баню. Ее определили в бригаду Гильмутдиновой Хатиры, которая обслуживает скважину №702. В будке сидели несколько женщин и громко разговаривали, спорили о чем-то, смеялись. На девушку они не обратили внимания.

— Я бы хотела увидеть Хатиру-апай, — сказала Ляйля, немного стесняясь, но желая показать себя бойкой девчонкой.

— Слушаю, — сказала женщина среднего роста, с серыми глазами, с веселым смеющимся взглядом. Она стояла у маленького окна.

— Меня послали в вашу бригаду работать, — сказала Ляйля, прямо и настойчиво смотря в глаза бригадира.

— Работать? — удивилась Хатира, — кто послал?

— Директор промысла.

— Ведь не директору придется мучиться здесь, а тебе...

— Я знаю...

— А мы тут ломали голову, как быстрее избавиться от этой работы.

— Почему избавиться? — удивилась Ляйля.

Женщины громко засмеялись. Ляйле стало неловко. Неужели до того тяжела эта работа, что ее пугают на каждом шагу? Неужели думают, что она отступится от трудностей как несчастный трус?

— Таких белоручек, как ты, которые удирают отсюда словно испуганный заяц, мы уже много видали.

— Их интересует не работа, а длинные рубли, как будто нефтяники много получают.

Обидно было Ляйле слышать такие неуместные оскорбительные слова.

— Нет, я не из-за денег. — Она хотела рассказать про мечту и романтику, но воздержалась. Раз пошло на то, надо показать себя не на словах, а на деле... Но любопытные женщины засыпали ее разными вопросами:

— А ты не боишься темной ночью остаться одна в степи?

— Тут кругом голодные волки. Как завоюют, у тебя сердце лопнет от испуга.

Наконец Ляйле надоели такие колкости, и она решила дать отпор, чтобы больше не дразнили ее.

— Хватит вам попусту горох сеять. Не из пугливых я, не первый раз встречаюсь с трудностями, — сказала она и гордо подняла голову.

— Ого! — засмеялись женщины.

— На самом деле, хватит вам, — отозвалась Хатира-апай, — и медведя можно научить танцевать. Идем-ка, доченька, я тебе покажу нашу скважину, посмотришь, откуда идет нефть и как она добывается.

Они вышли из будки и направились к скважине.

— Вот наша скважина, — начала рассказывать бригадир, — мы по-своему ее называем иногда нефтяным колодецем. Но колодец этот очень глубокий, метров в две-три тысячи. Теперь посмотри на эту большую бочку. Мы называем ее трапом. Нефть, которая добывается из-под земли, сначала поступает в трап, но это еще не чистая нефть. Она смешена с попутным газом. В трапе нефть и газ разделяются и текут по своим трубам. Теперь посмотри на эту большую кадку, это мерник. Нефть, после разделения от газа, идет в мерник. Ты должна тщательно следить за этим. Когда мерник наполнится нефтью, откроешь вот эту задвижку, тогда нефть потечет в резервуар.

Теперь посмотри на эту сантиметровую палку. Мы ее называем рейкой. Для того, чтобы узнать правильность поступления нефти, рейку надо опустить в мерник. Если глубина нефти окажется 180—190 сантиметров, то открываешь задвижку и перегоняешь нефть в резервуар. А вот это — манометр. Если он покажет ноль, то в мернике закончилась нефть.

Хатира-апай рассказывала долго, тщательно. Когда убедилась, что девушка быстро усваивает теоретическую сторону процесса работы, она продолжила:

— Машина-то не очень сложная, но мы мучаемся тем, что много парафина в нефти. Парафин травмирует стены труб, по которым идет нефть, в результате замедляется течение нефти. Поэтому трубы надо постоянно прочищать. Это делается вот так. Ты должна крутить вот эту катушку. Скребок должен опускаться вниз по трубе. Когда опустится примерно на 800 метров, ты должна его поднять при помощи катушки, будь бдительной. Дежуришь ночью, спать не полагается. Вот так, миленькая!

— Хорошо, Хатира-апай, — сказала Ляйля, — я буду делать так, как вы учили. Вам не придется краснеть за меня!

Ляйля — помощник оператора. Вот какую ответственную работу поручили ей. Она сегодня одна стоит на вахте, самостоятельно обслуживает скважину. Девушка тщательно, внимательно осмотрела машину, как учила ее бригадир. Кажется, все нормально. Через некоторое время стала крутить катушку, чтобы очистить трубы от парафина. Как интересно она крутится! Оказывается, ничего сложного в этом нет, никакой физической силы не требуется. Напрасно пугают ее. Но, как только она начала крутить катушку обратно вверх, невероятно устали руки. Исыкали силы, в глазах потемнело, ее бросило в жар. Сил для того, чтобы крутить катушку, не осталось. Она всем телом налегла на ручку, посмотрела по сторонам, намереваясь попросить помощи. Никого. Если катушка сорвется, то все пропало, аварии не миновать...

Отдохнув немного, снова стала крутить непослушную катушку. Ляйля стиснула зубы. Она даже не в состоянии вытереть пот с лица, который течет ручьем. Как бы ни было трудно, ей удалось поднять катушку. Усталая и измученная, она подошла к будке и упала. Потом опомнилась и подумала о том, что через два часа опять надо будет опускать и поднимать катушку, но не было сил оборвать даже тоненькую соломинку.

Отдыхать долго не пришлось. Она заметила, что из мерника бежит нефть. Хатира-апай сказала, что в случае наполнения мерника надо открыть задвижку и нефть перегнать в резервуар. От усталости и растерянности она все забыла. Затем опомнилась и побежала к мернику, открыла задвижку, нефть с шумом по линии пошла в резервуар.

Такое явление обрадовало Ляйлю. Первые килограммы нефти, добытые её силами и умением, потекли по трубе в резервуар, оттуда они попадут на нефтеперерабатывающий завод, который находится в Уфе. Там из нефти сделают керосин, бензин. Из нее еще получают другие фракции, которые поступают на химический завод в качестве сырья. Там-то и начинается химическое чудо.

Пока убирала нефть, которая сбежала из мерника из-за ее непредусмотрительности, подошло время вторично опускать катушку для чистки трубы. Вот она опустила ее, снова начала крутить обратно вверх. Но на этот раз упрямая катушка не думала подчиняться обессиленной девушке. Но Ляйля все крутила и крутила. Когда катушка поднялась до половины, словно кто-то ударил её по предплечьям, ручка сорвалась из рук, ударом отбросила Ляйлю в сторону и катушка полетела.

К счастью, в этой самый миг появилась Хатира и бросилась к катушке, остановила ее и установила нормальную работу.

...Бригадир, оставив Ляйлю одну, после работы пришла домой, но никак не могла успокоиться. «Как же можно доверить такую тяжелую работу маленькой, бессильной девушке? Ведь в степи нет никого, может случиться что угодно», — подумала она и обратно пошла на промысел. И успела вовремя, иначе случилась бы большая авария.

— Такая работа не по тебе, доченька, брось ее, — сказала она, — ведь ты мучаешь и себя, и нас. Искалечишь себя, а ты еще молодая, тебе жить да жить...

Ляйля стояла молча.

— Несчастливая ты девчонка, — продолжала Хатира-апай, — всему виновата война. Были бы отец и мать, ты бы ни за что не пришла на такую грязную, тяжелую работу.

Ляйля обиделась на необдуманно произнесенные слова своей «учительницы».

— Хатира-апай, говорите, что хотите, но не называйте меня несчастной.

— Но почему ты пожаловала сюда, миленькая? Неужели не можешь найти работу полегче, учиться что ли не пришлось?

Когда Ляйля рассказала о том, что окончила десять классов, работала учительницей, Хатира-апай от удивления ахнула.

— Доченька, неужели не замечаешь, что это не женская работа? Мы работали во время войны, когда все мужчины уехали на фронт. А теперь кто остался жив, возвращаются, мы передадим промысел им, а сами уйдем. Давай договоримся так: сегодня отдежурим вдвоем, потому что тебя одну не могу оставить, а завтра не допущу к скважине, не обижайся...

Ляйля начала просить жалобно:

— Хатира-апай! Я очень прошу, не делайте этого, ведь я еще молодая, научусь, вот увидите! Я не боюсь трудностей, привыкну ко всему.

* * *

Сначала бригада обслуживала только одну скважину. Теперь под их ответственностью несколько скважин. Это усложняет работу и требует еще больше физической силы и энергии. Скважины расположены вдоль реки Ик, которая течет по границам Башкирии и Татарии. Днем тут очень красиво. Степь. Ивняк. Густая дрема. Но по ночам бывает очень страшно. Однажды у неё появился настоящий друг, который всегда был рядом и дежурил вместе с ней. Это — собака. Большая. Умная. Послушная. Ляйля каждый день угощала ее хлебом, который получала по карточке. Такое добродушие, разумеется, очень понравилось собаке, и она быстро привязался к девушке. Ляйля назвала её Сарыбаем.

Однажды ночью случилась беда — Сарыбай, заметив тихо приближавшегося человека, рывком бросился на него. Тот размахивал палкой, кричал, но собака пуще злилась и вцепилась в бедолагу мертвой хваткой.

— Сарыбай! Не надо! Иди сюда! — крикнула Ляйля и подбежала к собаке.

Сарыбай успокоился, но Ляйле стало не по себе. Перед ней стоял директор промысла Султан Кашапов. Он коротко бросил:

— Завтра придешь в контору, поговорим, — и ушел.

На другой день Ляйля пошла в контору.

— Вот что, дорогая моя, — сказал Султан Гильметдинович, — садись, сейчас же напиши заявление об увольнении по собственному желанию, больше не допущу к скважине. Когда ты дежуришь ночью, мы места себе не находим, беспокоимся, что может случиться авария.

Ляйля долго стояла молча. Никакого доверия ей не оказывают, значит. Что же делать? Она глубоко вздохнула и произнесла дрожащим голосом:

— Султан Гильметдинович! Работа на самом деле трудная, но я привыкну и бояться не буду больше. Разрешите продолжить работу, дайте еще один шанс. Если не получится, сама уйду.

Директор не знал, что ответить. Зачем он принял ее на свою беду? Вот теперь отвечай за нее. Словно клещ вцепилась, прогони ее — завтра же снова придет и ни за что не уйдет. Вот настойчивая!

— Ну ладно, — сказал директор, — если будет чрезвычайное происшествие, тогда пеняй на себя.

Поблагодарив директора за доверие, Ляйля вышла из конторы.

Девушка все еще не может привыкнуть к тяжелой работе. Ее нежные руки покрылись мозолями, болят спина и поясница. С работы возвращается очень усталая. С нетерпением ждет выходного дня, чтобы отдохнуть и накопить сил. Но и это не всегда удается, так как есть неотложные дела, которые надо выполнить несмотря ни на что. Необходимо немедленно сдать в эксплуатацию новые скважины, но для этого нужно выкопать канавы и проложить трубы. Не хватает механизации, многие процессы делаются вручную. Они согласились копать канавы для нефтяных труб в свободное от работы время.

Сегодня воскресенье. Рано утром пришли на участок. Нефтяники — народ трудовой и веселый. Рассказывают интересные анекдоты. Старший оператор Зия-агай сегодня приехал почему-то с опозданием. Он высокого роста, худощавый, на первый взгляд строгий, но на самом деле очень простой и добрый.

— Как дела, работа кипит? — поинтересовался он.

— Кипит, — ответила Ляйля.

Погода стояла пасмурная. Хотя небо покрыто серыми тучами, дождя нет. Зия-агай весело крикнул:

— Ну, гвардейцы, начнем!..

— Какие же мы гвардейцы? — отозвался один нефтяник.

— Нефть — сердце родины. Мы — гвардейцы, — сказал старший оператор, по выражению лица которого было заметно, что он очень гордится своей специальностью и ценит ее высоко.

Началась работа. Ляйля тоже копает наравне со всеми. Признаться, очень трудно ей. Нужно выкопать глинистую землю и бросить на бруствер. Все тело болит, силы на исходе. А другие работают как-то со сноровкой, умением, ловко. Они, наверное, привыкли.

К ней подошел Зия-агай.

— Дай-ка, Ляйля, я тоже поработаю немножко.

— Нет, нет, я сама...

— Не сопротивляйся, дай-ка...

Старший оператор взял лопату из её рук и начал копать. Полюбопытствовал о том, как живет Ляйле, о личных планах на будущее. Девушка ответила, что хочет стать настоящим нефтяником.

— Я вижу, — улыбнулся Зия-агай. — Но желание — одно, нужно показать себя на деле.

— Думаете, не получится?

— Получится. Для этого нужно освоить науку нефти, подняться до уровня инженера, в будущем здесь потребуются только грамотные люди.

Ляйле не хотелось соглашаться.

— Для добычи нефти не требуется большого теоретического знания, как я вижу... Старший оператор даже обиделся на неуместное заключение «пионерки» о профессии нефтяника.

— Неужели ты так думаешь? Значит, смотришь на жизнь только сверху. В будущем все будет автоматизировано. Управлять ими будут грамотные специалисты. Такие, как ты. Нужно будет всего лишь нажать на кнопку и заработают скважины, не будет мучений с этими тяжелыми катушками...

— Когда? — спросила Ляйля наивным голосом.

— А-яй-яй, Ляйля! Ты уже торопишься. Ведь Москву тоже сразу не строили. Признайся, ведь работа на самом деле очень трудная для тебя?

— Да, Зия-агай, нелегкая работа, — призналась Ляйля. — Но я не привыкла отступать.

— Ого! — обрадовался он. — Вот как раз такие настойчивые, смелые люди нам по душе.

Ляйля понимает, что старший оператор старается ее утешить, поднять дух. Находиться среди таких сильных, отважных, веселых людей ей очень приятно, она гордится этим, но, с другой стороны, ей неудобно за физическую слабость. Когда осталась без отца и матери, трудности встречались на каждом шагу. Она привыкла к ним. Тогда она сумела победить преграды благодаря стойкости и духовной силе. Здесь этого мало. Тут требуются крепкие мужские руки.

Вот они идут домой. Ляйля так устала, еле-еле несет лопату. А другие смеются, веселятся, песни поют, будто и не копали землю целый день.

Ляйля шла рядом с молодой женщиной по имени Савия. Они пошли по узкой тропинке к поселку, где живут. Савия идет впереди. Она — веселая, красивая, всегда в хорошем расположении духа. За каких-нибудь пятнадцать минут рассказала всю свою биографию. Муж ее, оказывается, в армии, пишет письма. Она тоже его очень любит, ждет.

— Знаешь, Ляйля, — сказала она вдруг, — мы репетируем одну пьесу. Сама знаешь, поселок у нас большой, клуб имеется. Не хочешь присоединиться к нам?

Ляйля чуть не вскрикнула от восторга.

— Согласна! — выпалила она.

— Нам нужна девушка вроде тебя. Она сама слабая и беззащитная, ничего у нее не получается...

Ляйля сразу переменилась:

— Как это ничего не получается? Тогда я отказываюсь участвовать! — Она быстрым и твердым шагом направилась домой.

Хозяйка встретила ее приветливым голосом:

— Ты, наверное, очень устала. Ужин я приготовила.

Ляйле не хотелось беспокоить ее:

— Нет, Аниса-апай, я не устала, — сказала она и сразу упала на кровать.

Хозяйка подошла к девушке, потрогала лоб:

— Дочка, ты же болеешь. Жар у тебя.

— Да нет, нет, пройдет...

Всю ночь бросало то в жар, то в холод. Утром хотела встать, но подняться не смогла. А ей надо идти на дневную вахту. Если не пойдет, опять скажут, что

таким слабакам, как она, не место на промысле. Пусть, мол, лучше в детском саду работает...

— Никуда не пойдешь! Сейчас пойду за врачом, а ты лежи и не шевелись, — забеспокоилась хозяйка и побежала в больницу. Вернувшись, она Ляйлю дома не обнаружила — девушка ушла на работу.

* * *

Что такое жизнь? Как научиться преодолевать препятствия? Ведь без борьбы нет жизни. Ляйля с малых лет мечтала о романтической, интересной, кипучей, многогранной работе и жизни. Она самоотверженно бросалась на самые трудные участки, чтобы стать закаленным, настоящим, стойким человеком. Наконец, трудности мало-помалу начали отступать. Вскоре ее назначили оператором, сдала технический минимум. Раньше четыре человека обслуживали одну скважину, а теперь, наоборот, один обслуживает четыре-пять скважин. Требуется большое мастерство, бдительность, настойчивость.

Сегодня весь день шел проливной дождь. Над головой проносятся черные тучи. У Ляйли — ночная вахта. Темно. Она, как шустрая разведчица, то быстрым шагом, то бегом ходит между скважинами. Время от времени проверяет мерник. Если наполнен, открывает задвижку, перегоняет нефть в резервуар. Трудно, но интересно. Подул сильный ветер. Вот был бы жив отец, знал бы, какая у него смелая дочь, радовался и гордился бы ею! Что же такое? Вот беда! Вдруг загремел гром, молния ударила в скважину № 187. Вспыхнул огонь. Скважина загорелась. Ляйля рванула в будку, вызвала пожарных, потом стрелой помчалась к горящей скважине. Пока едут пожарники, надо принять какие-то меры. Она бросилась в огонь. Горела уже насосная будка. Это очень опасно. Если огонь доберется до нефтяного мерника, то все пропало, пожар охватит весь участок. Что делать? Ляйля мигом закрыла задвижку, чтобы прекратить подачу нефти из скважины, лопатой прорезала все линии, чтобы огонь не смог распространиться по ним. Времени на раздумья не было, она все выполняла быстро, может быть, даже инстинктивно. Она испачкалась, обожгла лицо и руки. Загорелась и спецовка. Ляйля бросилась на землю и потушила начавшую тлеть одежду.

К счастью, подоспели пожарники. Усмирив разбушевавшуюся стихию, уехали обратно. Ляйля снова осталась одна. Всю ночь она ходила от скважины к скважине, делала все, что требуется от оператора. Перед рассветом мало-помалу начали расходиться тучи. Зажглась первая утренняя звезда...

Днем Ляйлю вызвали в контору. Наверное, будут ругать за аварию. К удивлению, директор встретил ее очень приветливо.

— Ну что, пионерка, тебя в больницу что ли положить? — спросил он, глядя на перевязанные руки и лицо Ляйли.

— Не надо, пройдет...

— Вот что, пионерка, я тебе лично объявляю благодарность! Спасибо! Не ожидал от тебя... Ведь это героизм.

Ляйля не знала, что ответить, сидела молча, неподвижно.

— Какое героизм?! Зачем смеетесь? Скажите прямо, чтобы я ушла.

— Что, хочешь уйти?

— Да.

— Лукавишь, не хочешь ты уходить. Я не смеюсь, а говорю правду. Ты не растерялась, молодец. Спасли от пожара весь промысел — геройство. Пожарники рассказали про твою отвагу. Спасибо, пионерка!

Ляйля растерялась. Во сне ли это или наяву? Потом взяла себя в руки и с волнением ответила:

— Вам спасибо, Султан Гильметдинович, за доверие, за чуткий отцовский подход! Я буду работать! Никуда отсюда не уйду!

* * *

Трудовой авторитет Ляйли поднялся. Иначе стали смотреть на нее особенно после пожара, где она в самый опасный момент бросилась в огонь и спасла промысел от большой аварии. Хотя, как считает девушка, она никакого подвига не совершала — просто выполнила то, что должна была.

Как бы там ни было, дела пошли в гору. «На чью телегу сядешь, песню того и затянешь», — гласит башкирская пословица. Работая вместе с сильными, смелыми людьми, она становилась крепче. Добывать нефть нелегко. Но когда-то процесс этой работы был в сотни раз труднее, чем сегодня. Ляйля об этом знает по книгам. Правда, около двух тысяч лет тому назад особых условий не прикладывали. Недалеко от Баку есть полуостров Апшерон. На изрытых местах, в ущельях нефть показалась сама. Копали метров 4—5 и ведрами черпали ее словно воду из колодца. Но такой примитивный метод не мог долго существовать. Нефть закончилась очень быстро. Люди поняли, что она находится в глубине земли, достать ее не так-то легко. Поэтому придумали буровую машину. Для того, чтобы пробурить одну скважину, требовалось очень много времени.

Впрочем, и сейчас многое выполняется вручную, но не так тяжело, как это было раньше. А в дальнейшем будет еще легче. Вон как заинтересовал старший оператор Зия-агай: скоро будут действовать автоматы, а люди начнут вести только наблюдательную работу. Изучив историю добычи нефти, она твердо убедилась, что рассказы оператора — не простая фантазия, а будущая объективная действительность.

В последнее время многие женщины ушли с промысла. Даже Хатира-апай, которая учила Ляйлю этой суровой профессии, заявила в один прекрасный день:

— Я ухожу на другую работу.

— Как же так?!

— Доченька, ты все еще не понимаешь. Это — мужская работа. Мы работали во время войны, когда не хватало мужских рук. Добывали нефть для фронта, этим можем гордиться, а теперь пусть мужчины возвращаются на свои места.

Ей такие слова как-то не к лицу. Может ли такая бойкая, сильная женщина отступить от трудностей?

— Мне кажется, Хатира-апай, ты ошибаешься, — сказала Ляйля взволнованно.

— Ты сама ошибаешься, доченька. Пока молодая, не думаешь о жизни. Работала бы учительницей, что здесь потеряла? Тебе ли бросаться в огонь? — возразила та.

Ушла Хатира-апай. А красавица Савия перешла на другую, более легкую работу — работает замерщицей, измеряет объем поступающей нефти. Ляйля осталась там же...

* * *

Солнечный июньский день. Ляйля пришла на дневную вахту в белой шляпе и в белых тапочках. К ней подошел старший оператор Зия-агай:

— Ого, пионерка, ты хочешь внедрить еще одно новшество? Это хорошо! — обрадовался он.

— Какое новшество, Зия-агай?

— Пришла на вахту в белой шляпе и в белых тапочках — это необычно для нас. Мне нравится. Я не люблю тех, кто ходит в рваной, грязной одежде, они позорят звание рабочего класса. В человеке все должно быть прекрасно!

Они засмеялись. Еще весной скважины, которые обслуживает Ляйля, были самыми грязными. Она раньше всех приходила на вахту, оставалась после работы, старательно чистила свой участок от грязи и мусора. Старший оператор заметил, что Ляйля всем сердцем любит работу. Откуда в такой хрупкой девушке столько энергии, доброты, искренности? Где она родилась, кто ее родители?

Судя по рассказу, она очень любит отца и гордится его трудолюбием, умом, добрым сердцем. Про мачеху тоже ничего плохого не сказала. Она уже научилась ценить людей по поступкам, любит трудиться и считает себя счастливым человеком.

Еще с большим уважением стал относиться оператор к Ляйле. У девушки храброе сердце.словно родной отец, похлопал он ее по спине и сказал:

— Как за швейной машинкой ухаживаешь за механизмами. Руки у тебя золотые, да и душа тоже!

...В один прекрасный день Ляйля пришла к директору просить работу полегче.

— Я хочу работать замерщицей, — заявила она.

Удовлетворили ее просьбу. Она должна мерить нефть в каждой скважине и вести точный учет ее количества. Эта работа по сравнению с предыдущей показалась очень легкой, даже скучной. На одном участке — четыре замерщицы. Скоро Ляйля пришла к выводу: вполне могут справиться даже двое и сказала об этом начальству. Многим не понравился такой поступок Ляйли.

— Хочет себя показать, перед начальством выслуживается, — судачили они.

Но Ляйля не слушала никого и добилась своего. На участке оставили двух замерщиц: Ляйлю и Савию. Через несколько месяцев поняла — достаточно даже одной замерщицы. Если останется один человек, то в год выйдет 70 тысяч рублей экономии. А если эту практику распространить по всему Советскому Союзу, то получится огромная сумма. Руководство решило оставить Ляйлю — инициа-

тивного, энергичного молодого кадра. Таким образом, Ляйля теперь работает за четверых, одна обслуживает 13 скважин. Ее работа заключается в том, что из скважин берет нефть на анализ. А ведь она может отнести и в лабораторию. Об этом тоже сообщила руководству, ее поддержали.

— Я знаю тебя, привыкла работать за пятерых, — сказал ей однажды Зиягай, — ведь трудно, наверное?

— Нет, мне не тяжело, — ответила она. — Я давно заметила, что они бездельничают, а мне это не по душе.

— Теперь всегда будешь работать одна?

— Нет, я ухожу.

— Куда?

— На прежнюю работу.

— Оператором?

— Да.

— А зачем ушла тогда?

Ляйля засмеялась:

— Чтобы показать, что одной замерщицы достаточно.

* * *

Зимняя ночь. Бушует буран. У Ляйли — ночная смена. Она с радостью вернулась на прежнюю работу. Бескрайняя степь покрылась белым пушистым снегом. Вьюга такая сильная, словно раненый медведь буйствует. Ляйля с трудом перебирается от скважины к скважине. Буря валит с ног, Ляйля падает, снова встает, продолжает путь. С большим трудом удалось добраться до скважины №398. Смахнув снег, немного передохнула, потом проверила работу скважины. Услышав, что нефть с шумом из мерника пошла в резервуар, успокоилась и продолжила путь к скважине №478.

Здесь запросто можно заблудиться. Маяками для Ляйли являются прожекторы на скважинах, но в такой буран они светят очень тускло, иногда вообще не видно их. На скважине №478 он погас совсем. Ляйле пришлось идти наощупь. Вроде и не далеко, можно дойти за десять минут. Каждый шаг давался с неимоверным трудом, Ляйля шла и шла, прошло десять минут, двадцать, тридцать... Скважины нет. Она заметила, что опять оказалась на старом месте. От резкого порыва ветра упала, но встала и вновь пошла, снова упала. Попыталась встать — сил не хватило. Захотелось спать. Дрема одолевала с каждой минутой все сильнее. Зачем же опять взялась за эту проклятую работу?! Ведь все женщины ушли и правильно сделали, не женское это дело. А скважины?! Что будет с ними? Если будет так лежать, авария неминуема. Нет, надо встать и пойти, бороться до конца!

Разве не сможет она победить разбушевавшуюся стихию?! Но, несмотря на все усилия, она не смогла встать. Вдруг ей стало приятно и тепло, словно кто-то укрыл ее белым, пушистым, теплым одеялом. Окаймленные длинными черными ресницами глаза сомкнулись, и она спокойно уснула. Приснился сон — будто сидит в теплой будке, в диспетчерском пункте. На дворе свирепствует буран. Но это не

беспокоит ее, поскольку не нужно бегать по скважинам как несчастный, пугливый заяц. Работу всех скважин можно наблюдать прямо из будки. Если в какой-то скважине возникнет авария, то красные кнопки сообщат об этом оператору...

Ляйля проснулась. Сначала она не поняла, что происходит. Сон это или явь? Как бы там ни было, ей как-то тепло и хорошо. Но Ляйля знает: подобное состояние опасно. Неужели она умрет здесь, в степи? Она собрала последние силы, подняла голову, с большим трудом выбралась из-под снега и поползла вперед. Через метров сто увидела мигающий прожектор скважины, к которой никак не могла добраться. Она с облегчением вздохнула. Однако это была чужая скважина. Значит, действительно заблудилась. Но все же здесь можно переждать буран.

Хотя это была не ее скважина, Ляйля все же решила проверить ее. И автоматы сбиваются, оказывается. Полный мерник нефти, а задвижка не открылась, нефть начала бежать из мерника. А оператор, наверное, сидит в своей будке, руки греет, боится выйти. Вот к чему приводит хладнокровное отношение к своим обязанностям. Ляйля быстро открыла задвижку и установила нормальную работу на скважине.

А буран все бушует. Ляйля посмотрела по сторонам. Где же ее скважины? Как их найти? Если пойти сейчас, опять заблудится. А если мерники всех скважин уже наполнились нефтью? Нет, надо идти! Оставив чужую скважину, Ляйля снова оказалась в объятиях выюги.

Неизвестно, сколько времени она скиталась по степи, упорно и настойчиво борясь с проклятым бураном, но все же ей удалось найти скважину №478. Видимо, от сильного ветра разбился прожектор и погас огонь. Здесь задвижка тоже не открылась автоматически. Ляйля быстро открыла ее и пошла дальше. Дошла до скважины №389. Посмотрела мерник — нефть не поступает. Нашла причину — оказывается, пропала плашка от задвижки линии, по которой идет нефть. Ляйля включила другую линию и, убедившись в нормальной работе скважины, решила вернуться на пост.

* * *

...Поселок Туркмен расположен почти рядом с городом. Нефтяной участок, где работает Ляйля, находится недалеко от этого поселка. Люди здесь хорошие, добрые. Полностью освоив профессию нефтяника, девушка по вечерам стала ходить в клуб, в избу-читальню.

Как-то Ляйля принесла в клуб пьесу «Сильные духом», где описывается трудовая жизнь советских женщин в тылу во время войны. Драма была переведена с русского языка на башкирский. Главный герой — Наташа. Она — молодая женщина, дочь профессора. Муж погиб на фронте, осталась с тремя детьми. Под Ленинградом погибает и отец. Но Наташа не падает духом. Она живет под девизом: «Временную трудность, которая нагрянула внезапно, нужно победить, показать слабость в такие трудные минуты — это помогать врагу». Она находится в эвакуации в Башкирии, работает учительницей. Преподает русский язык башкирским ребятам. Работает день и ночь, не покладая рук.

«Вот какие есть женщины!» — подумала Ляйля и решила создать образ Наташи на сцене. Благо, опыт у нее имеется. Теперь она тесно общается с мо-

лодежью, взяла художественное руководство в свои руки. Сказано — сделано. Свою роль она выучила наизусть, заставила и других отнестись к этой затее со всей серьезностью. Настал волнительный день.

...Поднимается занавес. Клуб наполнен народом. Выйдя на сцену, краем глаза взглянула в зал. В третьем ряду сидит Хатира-апай. Взгляд у нее теплый, восхищенный.

После спектакля Ляйлю окружили знакомые. Хатира-апай радостно хлопала ее по спине и твердила одно и то же:

— Вот ты какая, оказывается, Ляйля!.. Молодец!

Подошла даже Савия:

— Рада за тебя! — сказала она и пожала ее руку.

* * *

В этом году Ляйле пришлось работать еще больше, ведь ее теперь считают самым передовым, примерным оператором. На собраниях призывают других работать по ее примеру. В такие минуты Ляйле становится неудобно. Зачем так хвалить, она же старается не для себя, а ради общего блага.

С такими мыслями она шла сегодня на работу. День выдался прекрасный. На траве блестит утренняя роса. Знакомый запах нефти и степных цветов. Дошла до скважины №478. Вчера здесь она оставила полное ведро размятой извести, между делом будет белить ножки скважин.

Окончив работу, Ляйля пошла дальше. Вот скважина №1140. Она функционирует только восемь часов в сутки, поскольку нефти мало. Ляйля дает таким скважинам передышку. Нефть добывается за восемь часов в том количестве, сколько за целые сутки. В каждой скважине есть свои особенности, это надо учитывать каждому оператору.

Вдруг она заметила, что на участке появились незнакомые люди. Сделав полный обход, подошла к ним. Оказалось, корреспонденты.

— Ох, как мы устали, бегая за вами, — засмеялись они, — вам каждый день приходится так много ходить?

— Это еще полпути только прошла, — ответила Ляйля.

Корреспонденты быстро подсчитали, что оператор ежедневно проходит больше двадцати километров. Ляйля улыбнулась. В такую прекрасную летнюю погоду что стоит пройти двадцать километров! Попробуй пройти такое расстояние осенью под проливным дождем, зимой в бешеный буран! Корреспонденты, разумеется, не знали об этом.

— В чем заключается секрет вашей плодотворной работы? Вы считаетесь лучшим оператором, работаете без аварий, мы намереваемся распространить ваш опыт по всем нефтяным промыслам Башкирии.

Ляйля не знала как ответить:

— Опыт? Нет у меня никакого опыта. Просто добросовестно отношусь к своим обязанностям, вот весь секрет. Многие операторы делают только один обход, а я всегда делаю два. Иначе не могу.

— Мы часто слышим от нефтяников: девон дышит ровно. Как это понять?

Ляйля улыбнулась.

— Как вам объяснить попроще? Вам уже известно, что нефть находится очень глубоко в слоях девона. У нее есть своя очень тонкая наладка, если не учитывать это, то нефть не будет поступать как положено. Возьмем, к примеру, гармошку. Если не играть на нормальной настройке, то мелодия выходит неровно. Так и слои девона — от положенного нельзя брать больше и меньше, тогда и девон будет дышать ровно.

Корреспонденты расспрашивали долго. Ляйля отвечала подробно, чтобы они имели полное понятие о нефтедобыче. Когда ушли, покрасила будку скважины, соляркой помыла лебедку, вытерла насосы. После обеда сделала второй обход.

* * *

Кто обладает терпением, тот добьется своей цели. Трудности, которые казались непреодолимыми, остались позади. Теперь, как и говорил Зия-агай, работают автоматы. Поставили установку АДУ, при помощи которой скребки опускаются и поднимаются. Из мерника нефть в резервуар идет тоже при помощи автомата. Нет необходимости бегать по скважинам — поставили телеустановку, если где-то нарушается нормальная работа, то это выдается диспетчеру. Можно сидеть в будке и при помощи телеустановки наблюдать работу всех скважин. Но беспокойная Ляйля не может спокойно сидеть целый день, ей кажется, что и автоматы могут ошибиться, поэтому она, как и прежде, лично обходит свои скважины. Оказывается, не зря беспокоилась — однажды скребница не опустилась при помощи АДУ. Вот беда! Ляйля долго размышляла над тем, на какой скважине сбой. Затем решила прибегнуть к маленькой хитрости — стала в катушку класть маленький кусочек бумаги. Если бумаги нет после поднятия катушки, значит, она крутится. А однажды получилось так: бумаги нет, а катушка не крутилась. Тогда Ляйля стала отмечать катушку мелом: если мел стерся, значит, катушка работает. Такой прием надежнее.

Случается, обманывают иногда и мерники, если, скажем, нефть пошла в резервуар, то манометр должен показывать «0». Однажды Ляйля заметила: на одной из скважин манометр действительно показывает «0». Надо полагать, что нефть в резервуар пошла при помощи автомата. Ляйля все же решила проверить, опустила рейку в мерник и увидела интересную картину: нефть не пошла в резервуар. Манометр оказался неисправным.

Получается, автоматами надо уметь управлять. А для этого нужны знания.

Ляйля и не припомнит, сколько раз читала книгу выдающегося советского писателя Н.Островского «Как закалялась сталь». Наизусть знает афоризмы, которые являются правилом жизни отважной, романтической, смелой советской молодежи: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было больно за бесцельно прожитые годы...»

Глубину смысла этих слов Ляйля осознала уже во взрослой жизни. И она очень рада, что ей не придется сожалеть о своем прошлом. Каждый новый день для трудолюбивой, жизнерадостной Ляйли приносит чувство удовлетворения, надежду. Совсем недавно она стала депутатом городского совета. Люди обра-

щаются к ней с разными просьбами, среди них есть очень грамотные, бойкие. Нужно учитывать характер, психологию каждого, отвечать целесообразно на каждый их вопрос.

* * *

...Сначала самое большое количество нефти стране давал Баку. Потом, в тридцатых годах, начали ее добывать из недр башкирской земли. Возникли целые города — Ишимбай, Салават, Октябрьский, Нефтекамск. По переработке нефти Башкирия теперь занимает первое место по всему Советскому Союзу. Она добывается и возле деревни Манчарово Илишевского района, где родилась Ляйля. Как здорово, когда мечты человека осуществляются благодаря его же трудолюбию, энергии, уму. Это большое счастье!

У Ляйли было давнее желание — побывать в Баку. Вот сбылась и эта мечта. Башкирские нефтяники начали соревноваться с бакинскими коллегами. Сначала поехали изучать опыт бакинцев, в их числе была и Ляйля.

В Баку, оказывается, добывать нефть интереснее и сложнее, чем в Башкирии. Скважины установлены прямо на море на расстоянии 60—70 километров от берега. Каждый оператор обслуживает 50—60 скважин. Очень удивилась Ляйля: они обслуживают по 10—13 скважин, и считают это большим делом. А там нефть добывается со дна моря.

Целыми днями ходили они по промыслам, лишь поздно вечером расходятся по комнатам гостиницы. Однажды утром Ляйлю позвали на завтрак раньше времени. Спустилась почти бегом с третьего этажа и зашла в зал. Никого нет. Может, шутит кто-то? Неожиданно ворвались в зал делегаты, кольцом окружили Ляйлю и начали поздравлять.

— Поздравляем, Ляйля! Вот молодец!

Ляйля была в удивлении:

— Постойте, что произошло? С чем поздравляете? Скажите хоть!

— Тебе дали звание Героя Социалистического Труда!

Ляйля не поверила своим ушам:

— Не может быть!

— Разве не включала радио? Только что сообщили из Москвы.

В честь Ляйли вечером организовали торжество, где принял участие министр нефтяной промышленности Азербайджана. Он поздравил её сердечно и сказал:

— Башкирские нефтяники победили нас в том отношении, что показали образцы трудового героизма. Я знаю славную героическую историю башкирского народа, это героизм продолжается и поныне. У нас, к сожалению, нет пока таких женщин, которых можно было бы обрадовать с присвоением высокого звания. Женщин, которые работают на нефтяных промыслах с восемнадцати лет, не очень-то много, можно по пальцам пересчитать. Я очень рад, что одна из них — представительница башкирского народа.

...Вот Ляйля опять в своей комнате. Одна. За окном ночь. Давно пора спать. Но она никак не может уснуть. Ей все еще не верится, что она достойна такого высокого звания. Правда, ее много раз награждали ценными подарками, по-

четными грамотами, она считается самым передовым оператором, но никогда не думала, что ее труд оценят так высоко.

Прошло, оказывается, тринадцать лет с тех пор, как она пришла на промысел. Тринадцать лет! А ведь в ее работе иногда одна мучительная ночь может стоить целой жизни.

...Это было весной 1959 года. Ляйля приехала из Баку в начале апреля. На ее груди — орден Ленина и Золотая Звезда. «Ляйля с Золотой Звездочкой» — так говорят теперь о ней.

Она — мать троих детей. Муж Азмагул работает слесарем. Вечером, когда дети легли спать, муж вручил Ляйле кучу писем и поздравительных телеграмм. Написала письмо подруга детства Зайтуна, выразила свое восхищение ее трудовым достижениям. Было письмо и от Шафигуллы. Парень служит в рядах Советской Армии, после окончания службы собирается к Ляйле на промысел. Несомненно, из него выйдет хороший нефтяник!

Одно знает Ляйля: получить звание Героя тяжело, а еще труднее оправдать его.

* * *

Здравствуй, степь! Прекрасная степь! Суровая степь! Вот уже двадцать пять лет жизнь этой прекрасной женщины связана с тобой. Из твоих недр Ляйля добывает «черное золото», которое по трубам уходит на заводы. Там из нее получают бензин, используют в производстве. Красивые платья, пальто, плащи — все это благодаря твоему самоотверженному труду.

Раньше Ляйля отвечала только за свои скважины, а теперь под ее ответственностью — весь промысел. Их коллектив ездил и к румынским коллегам, а недавно Ляйля участвовала на съезде женщин Киргизии, читала доклад. Выступила и в четвертом Пленуме Центрального комитета профсоюза в Москве.

Она все еще работает оператором, обогащает свою профессию теоретическими и практическими опытами, находит все новые методы добычи нефти. Поступила заочно в Московскую четырехгодичную профсоюзную школу.

— Да хватит же тебе, Ляйля Ханифовна, — говорят ей, — вырастила троих детей, учишься, переходи на легкую работу.

Ляйля отвечает одними и теми же словами:

— Сущность жизни я вижу в преодолении трудностей! — И, окинув взглядом бескрайнюю степь, произносит: — Здравствуй, широкая, красивая, суровая степь! Я с тобой! Я с тобой!

